

Юрий Иляхин

Китай кусочками. Часть II

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43619882

ISBN 9785005025890

Аннотация

Эта книга о Китае и китайцах начала XXI века, а еще – о китайском чае, кухне, истории и культуре, местах, где стоит побывать, о нравах и обычаях, особенностях бизнеса, медицине, о красоте по-китайски; автор – профессиональный востоковед, который долгие годы жил и работал в Китае, хочет, чтобы для читателей страна за Великой стеной открылась под разными углами, необычными и интересными. Ю. Иляхин дает возможность отведать предлагаемое блюдо небольшими кусочками – как это принято в Поднебесной.

Содержание

Образ жизни: что празднуют, как развлекаются, во что верят, как лечат, чему учат, что заботит	6
Что празднуют	6
Добро пожаловать, счастье!	7
Спать нельзя: пришла весна	10
Что делать в Праздник весны	16
Пора есть рисовые пирамидки	25
Праздничные пряники	27
Празднуют ли в Китае дни рождения	30
Когда празднуют дни рождения в Китае	30
С момента зачатия	31
Китайская свадьба	31
Как развлекаются	42
Настоящие «Подмосковные вечера»	42
Рейтинг самых популярных русских песен в Китае	43
Каллиграфия. «Травяной» и другие стили	44
«Орхидеевая беседка»	49
Как стать китайским книжником- мудрецом, или Четыре драгоценности кабинета ученого	56
Пятая драгоценность	61
Иванов в стиле «дракона, феникса,	62

Старичок в лодке с удочкой в руке.

64

Китайская живопись

Конец ознакомительного фрагмента.

69

Китай кусочками

Часть II

Юрий Иляхин

Фотограф Лидия Иляхина

© Юрий Иляхин, 2019

© Лидия Иляхина, фотографии, 2019

ISBN 978-5-0050-2589-0 (т. 2)

ISBN 978-5-0050-2588-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Образ жизни: что празднуют, как развлекаются, во что верят, как лечат, чему учат, что заботит

Что празднуют

В Китае любят праздники. С недавних пор народная любовь стала совпадать с официальной. Если раньше власти признавали только Праздник весны – китайский новый год, то в последние годы к нему и нескольким официальным государственным добавились другие, рожденных не официальной современной идеологией или историей, а вот именно древними национальными традициями.

Радуется, что эти народные праздники стали нерабочими. Откуда вдруг такая любовь власти к стародавним традициям? Хотелось бы сказать – от доброго сердца. Но китайцы прежде всего практики, руководствуются здравым смыслом и выгодой. Что хорошо, конечно. Праздники призваны подстегнуть потребление: слишком много в стране произведено продукции, а покупают ее не так активно, как хотелось бы: китайцы, в отличие от русских, предпочитают не тратить, а откладывать на будущее, создавать запас. Банки лопаются от народных денег на счетах, и хотя ставки по вкладам как

минимум вдвое ниже инфляции – все равно хранят, на эти миллиарды, собственно, Пекин и осуществляет свои масштабные проекты.

В праздники же волей-неволей приходится раскошелиться: на обязательные поездки домой и обратно, на становящиеся все более популярными туристические вояжи по стране и за границу, на подарки, угощения в ресторанах и домашние застолья. Народ больше покупает, тратит, вливает деньги в экономику. Таким образом, кроме Праздника весны, официальными стали также: праздник Середины осени, день Поминовения усопших, день Двойной пятерки. Да и наступление «нашего нового года» 1 января, по-китайски – *юань-дань цзе / yuandan jie*, теперь отмечают помасштабнее, чем раньше.

О некоторых я расскажу – как сам видел и сам праздновал. Почему-то все они у меня связаны с едой. Собственно, неудивительно, какой же праздник обходится без щедрого стола?

Добро пожаловать, счастье!

В Праздник весны *чуньцзе / chunjie* все ждут счастья. Это самый большой и радостный праздник. Считается, что его история насчитывает пять тысяч лет. Хотя Китай в 1912 году перешел на международный григорианский календарь, лишь чуньцзе считается здесь настоящим новым годом.

– Меня китайцы часто спрашивают, мол, там у тебя, в твоей стране, празднуют чуньцзе? – сказал Сеня. – Ну, народ... Они думают, его по всему свету празднуют!..

– Какие китайцы спрашивают? – поинтересовался Мудрец Сун.

– Ну какие... Разные. Простые люди.

– Это какие такие простые люди? Массажистки в салонах здоровья и парикмахеры? Таксисты?

– А что, они не народ, что ли? Плоть от плоти. Я тут прочитал, что массажистки по доверию населения делят в Китае первое место с армией! Или с пожарными...

– И где ты такое читаешь? – удивился Мудрец.

Новогодний праздник отмечают по лунному, или «крестьянскому», календарю (сельскохозяйственному, земледельческому), основанному на фазах обращения Луны вокруг Земли и цикле климатических изменений; дата в разные годы «плавает», начиная с конца января до конца февраля. Он наступает в полночь тридцатого дня двенадцатого лунного месяца. Подготовка начинается неделей раньше: закупают еду, подарки, наводят чистоту, готовят праздничные надписи и наклейки. В самый канун праздника уже нельзя убираться, чтобы заодно с сором не вымести удачу на следующий год.

На дверях и воротах вывешивают картинки: розовощекие улыбающиеся мальчик и девочка в нарядной одежде, сложив перед грудью руки в традиционном почтительном привет-

ствии, обращаются друг к другу и ко всем входящим с поздравлениями.

Это Золотой мальчик *Цзиньтун / Jintong* и Нефритовая девочка *Юйнян / Yuniang*. По поверьям, они сопровождали самого Будду и с незапамятных времен оберегают от злых сил всех добрых людей. Кое-где, в старых кварталах, где власти не так придирчивы к внешнему виду домов, эти радостные картинки сохраняются потом на воротах долго-долго, чуть ли не до следующего праздника. А в многоквартирных домах украшают двери столько, сколько пожелают хозяева. На двери нашей квартиры они висели, пока не обветшают.

Вход в дом обрамляют с двух сторон парными надписями-стихами на красной бумаге, которые называются *чунлянь / chunlian*. Они приветствуют весну, призывают счастье, здоровье и удачу в делах. Ну, вот, например: «Зима ушла, горы чисты, вода прозрачна», – надпись с одной стороны двери. Ей вторит строчка иероглифов с другой стороны: «Весна пришла, птицы запели, цветы распустились». Где места поменьше, на дверь часто прикрепляют пару золотых или красных рыбок, головами друг к другу, ведь слово рыба произносится созвучно с «избытком» – *юй / уи*. Богатство – в дом!

А еще дома и на работе принято вывешивать на двери и стенах иероглиф *фу / fu* – счастье, удача. Причем вверх ногами. Почему?

Потому что «перевернуть» по-китайски звучит так же, как и «прийти», *дао / dao*, и значит: «Добро пожаловать, сча-

стве!»

Спать нельзя: пришла весна

Если вы любите спать по ночам, а с нами, людьми, это бывает, то знайте: в китайский новый год, который длится неделю, вы заснуть не сможете. Ежедневно фейерверки взрывают небо и освобождают пространство от злых духов, а вас – от сладкого бремени сна.

Традиция идет из древности, когда зажигали бамбук и его колена лопались с треском и хлопанием. «Огненный дым», *хо-янь / huoyan* и «взрывающийся бамбук», *бао-чжу / baozhu* – так до сих пор называют фейерверки и хлопушки. Их грохот отгонял от дома чудовище, его звали *нянь / nian*. По легенде, в 30-й день 12-го лунного месяца оно пожирало людей и скот, и тогда добрые боги посоветовали отпугивать демонического зверя горящим бамбуком. Проведав, что он боится алого цвета, на окна и двери принялись прикреплять полоски красной бумаги, отсюда и нынешние парные благопожелательные надписи. По-китайски праздновать новый год – «пережить няня», *го-нянь / guonian*. А *нянь* стал означать «год».

С изобретением пороха в эпоху Сун (960—1279) бамбук заменили пороховые хлопушки (инновация, однако!), и страшного зверя стали прогонять с гораздо большей эффективностью.

– Лучше бы они этого зверя и прочих духов где-нибудь в степи гоняли, подальше от жилья! – сказал Сеня, взглянув на Старину Суна. Тот как перелистывал альбом иллюстраций к ксилографическому изданию «Сна в красном тереме» XVII века, так и продолжал не торопясь перелистывать. Мудрец знал, что Сеня отходчив, и вообще, если хочешь ужиться, надо уметь кое-что пропускать мимо ушей. – Поехал я как-то с подругой в город Чэндэ на новый год, на китайский новый год, конечно. Чэндэ – это километров двести с лишним к северу от Пекина, в горах, там бывшая императорская летняя дача. Ну, да не про нее речь. В лучшей гостинице городка никого нет, пусто, такое впечатление, что только мы и заехали. Попросил номер получше и потише, чтобы не на улицу выходил. Я-то знаю, что такое китайский новый год! Нам дали приличный номер на втором этаже, с окнами в тихий переулочек. То, что надо. Да. И вот наступает двенадцать – тут как забабахает за окном! То ленты пулеметные, то взрывы. Смотрю в окно, оказывается, в этом переулке прямо напротив нас – лавка, где этими петардами торгуют. Народ покупает и тут же пускает в дело, поджигает и бросает за дверь, прямиком нам под окно, как в колодезь. Дети резвятся, взрослые. В общем, пришлось дополнительно принять на грудь новогоднего вискаря, нервы успокоить. А потом видим, не заснуть уже, сами вышли, накупили всего в этой лавке и давай бабахать! Клин клином. И знаешь, круто! Метров на сто вверх – и веером! – Сеня подумал и заклю-

чил: – Конечно, если подумать, настоящий китайский новый год, он только с хлопушками и бывает настоящим.

Мудрец Сун слушал не перебивая. Зачем кого-то убеждать в очевидном?

Будь моя воля, я бы, конечно, петарды всякие и фейерверки запретил. Что в Китае, что в России. Я человек спокойный, люблю тишину, как все рыболовы, да к тому же было жутко жалко нашу собаку Буру (с ударением на первом слоге). Она теперь бегаёт по небесным лугам, а когда-то носилась по московским дворам и боялась хлопушек так, что влетала в ванную, прыгала в ванну, которую терпеть вообще-то не могла, потому что там ее насильно отмывали от помоечной дряни... а тут стояла в этой фаянсовой холодной белизне, боясь сесть и опустив голову, поджав хвост... просто сердце обливалось чем-то там, на нее глядя.

В середине 90-х китайские власти взяли мою сторону: в Пекине и еще 279-ти городах, больших и малых, фейерверки запретили. В столице их пытались загнать за пятую кольцевую дорогу. Но кто туда потащится в новогоднюю ночь? Кто там может разделить восторг? Кто оценит, сколько денег ты не пожалел на удовольствие?.. Я, законопослушный иностранец, как-то раз случайно оказался с друзьями и семьей на такой вот площадке, неизвестно где. Пустырь, темно, ветер. Дует. Одиноко, не весело.

Словом, запрету подчинялись, но вяло. И в Пекине, и тем более в нестоличных городах. Как новогодняя ночь – так

и пошло-поехало взрываться и грохотать все это дымное разноцветье в небе до самого утра.

Власти подумали, подумали и спустя дюжину лет решили запрет отменить. Традиции ведь тысячи лет. Англичане стригут газоны, а китайцы «зажигают» в прямом смысле слова. К тому же, разве охота тем же самым полицейским в новогоднюю ночь блюсти порядок и гонять нарушителей? Сами не прочь в праздники что-то такое замутить. Фейерверки вернулись в города. Из села они и не уходили. Там и детей можно было больше строгать, не подпадая под правило «одна семья – один ребенок», и подбрасывать «взрыв-пакеты» можно хоть к соседскому порогу. Так-то ведь оно интереснее!

Правда, бывают издержки. Как-то от новогоднего фейерверка в Пекине сгорело только что построенное здание технического центра китайского телевидения ценой в сотни миллионов долларов, на него угодил мощный заряд, запущенный с крыши смежного, тоже принадлежащего ЦТ, знаменитого, в виде ломаной буквы П, построенного по проекту известного голландского архитектора Рема Колхаса.

Но где не бывает издержек? В канун 2011 года пекинский комитет компартии и правительство отправили всем эсэмэску, в которой разрешалось «шалить» в пределах 5-го кольца, – но только в ночь на новый год и в первый день, а в оставшееся время празднования, то есть до 15-го дня – только с 7 утра и до 12 ночи. Угадайте с трех раз – послушал кто-ни-

будь это предупреждение? Ха! Все дни пальба шла в любое время. Вообще я не припомню столь оглушительного и масштабного грохота, как в 2011-м. То ли год выдался тяжелый, инфляционный, кризисный, народ решил хоть так вот оторваться, на всю катушку, то ли еще что, но спать было совершенно невозможно.

Особо отмечу пятый день – *по-у / ро ми*, заканчивающий пятидневку основного празднования. Вечером можно было оглохнуть. Все небо в огнях. Грохот такой, будто кто-то над твоей головой лупит железной палкой по железному ящику. Впрочем, почти такое же оглушительное небо обрушилось на нас и на 15-й, последний день чунь-цзе.

Единственный способ спасти нежную психику – самим поучаствовать. Что мы с женой и сделали. Отогнали взрывами злых духов сначала под окнами, потом у ворот дома. Все стало восприниматься по-другому, и на людей сразу глядишь по-доброму. В Китае жить – фейерверки палить.

Какой же боезапас покупали пекинцы и мы вместе с ними? Самыми популярными были «пулеметные ленты» – хлопучки на 1000, 5000 и 10 000 зарядов. Грохот и дым змейкой обеспечены. Свернутые в круг размером с автомобильное колесо ленты давали бой злым духам минут на пять. Истинное удовольствие доставили негромкие, поражающие красками и затейливостью фейерверки с названием «павлин». Полукруглая коробка извергала струи огня, они крутились, взрывались, брызгали фонтанчиками, пушили пестрыми пе-

рьями. Но всех превзошли высотные фейерверки, взрывающиеся по вертикали метров на 30 и распускающиеся серией цветов! «Хризантемы», «пионы», «лилии», «лотосы»...

Зато к петардам так и не притерпелся. Бум. Бум. Бам-бам. Без фантазии. Тупо так. На испуг. Особенно когда на дворе 5 утра, все вроде успокоились и разошлись по домам спать, и тут вдруг кто-то, мягко говоря, неуспокоенный, решает заявить о своем существовании и «порадовать» окружающих взрывами. Лежишь, злишься и ждешь, когда опять грохнет: ну давай уже скорее! Как в анекдоте про сапог, который пьяный сосед бросал, засыпая, в стену. А если где-то больные, которым покой нужен?

Вот именно – как этот шум лечебницы терпят? По дороге на работу проходил мимо больницы района Чаоян. Огромная, одна из лучших в Пекине. На стене, окружающей комплекс больничных зданий, ближе к новому году появлялись крупные иероглифы: «В радиусе 10 метров от больницы фейерверки и петарды не взрывать». В последние годы цифра сменилась, стало значиться 30 метров. Но, господи помилуй, разве 10 или 30 метров спасут?! Тут и ста не хватит! Единственное, что как-то успокаивает: больные – тоже китайцы, исконные любители фейерверков, может, они это шумное дело воспринимают по-другому. Родное всё-таки.

С годами пальба все меньше и меньше. 2013-й в Пекине был встречен значительно тише и скромнее. Власти закрыли многочисленные разовые павильончики, где в канун

чунь-цзе продавали новогодние боеприпасы. Да и сами люди стали экономить. К тому же в предпраздничные дни город окутал смог, народ ходил в масках, по радио и телевидению всех призывали поумерить пыл, не загрязнять атмосферу еще и дымом пиротехники. Но все равно временами гремело и грохотало будь здоров как, воздух отдавал гарью, а тротуары и обочины дорог, как обычно, были усеяны красными бумажными клочками – остатками фейерверков и петард, покрыты желтым налетом от сгоревших зарядов; въевшийся в асфальт и камень, он останется до тех пор, пока его не смоет растаявший поздний снег или весенние дожди.

Что делать в Праздник весны

Радуйтесь, любители блаженного ничегонеделания! Трудиться в эти дни нельзя, даже если хочется. Закрыты все предприятия и компании, работают только магазины, и то не весь день. Захлопнуты двери музеев, картинных галерей, туристам остается лишь идти в парк или храм, причем все равно в какой, в буддийский или даосский. Там проводятся храмовые праздники, *мяо-хуэй / miaohui*.

Перед воротами храмов публику развлекают-завлекают акробаты, актеры пекинской оперы, мастера разговорного жанра, под грохот барабанов шествуют с танцами алые «львы» и извивающиеся золотые «драконы, преследующие жемчужину». Все это сопровождается громкой музыкой

и овеваётся ароматом синьцзянских шашлычков, печеных бататов, жареной лапши, блинов, паровых пампушек с мясом и другой мелкой снеди. Никуда не деться и от «вонючего соевого творога», занимающего почетное место в кулинарных рядах! Во временных палатках-отсеках кипит торговля сувенирами и – книгами. Прилавки с ними всегда увидишь на праздничных распродажах. Китай, что ни говори, – книжная страна.

В Пекине самые яркие торжества устраивают в Храме земли – *Дитань / Ditan* и Храме Восточного пика – *Дун-юэ-мяо / Dongyue miao*. Мне по душе Храм Восточного пика, что у второго дорожного кольца. Даосский. Уютный, небольшой и, подобно матрешке, вмещает многое. У входа публику привлекают мастера игр с шестом. Это старинное пекинское искусство. Крепкие ребята держат высокий бамбуковый ствол на голове, в руках, перебрасывают его, карабкаются вверх и вниз головой под конферанс самого разговорчивого мастера – не всю же жизнь ему, старшóму, самому с шестом упражняться.

Внутри храма следуешь на север Дорогой счастья – каменным мостом, на ограде которого слоями висят красные таблички с «узлами счастья» и пожеланиями благополучия, и ты можешь присоединить к ним свою, купленную здесь же, затем либо приходишь к павильону с даосскими святыми и возжигаешь благовония, молясь о здоровье и счастье близких, либо спускаешься на землю, к торговым рядам, попы-

тать счастья в играх: набросить обруч на игрушечную машину или вазу, сбить каучуковым шариком мягкую игрушку с полки, или двигаешься в толпе на задний двор, где на сцене выступают певцы, жонглеры, фокусники, танцоры или какие-нибудь «нанайские мальчишки-борцы», некогда популярные и в России. Надоели артисты – топай на выход мимо лотков с сувенирами, игрушками, «настоящими» нефритом и янтарем, флакончиками-табакерками и прочей мелкой, греющей душу ерундой.

В Храме неба – *Тянь-тань / Tiantan* можно попасть, предварительно купив билеты, на сказочное действие – церемонию поклонения императора небесным богам. В одном из боковых павильонов под высоким куполом, опирающимся на круглые карминные колонны, звучит старинная, торжественная церемониальная музыка (цинь, флейты, рожки, гонги, колокола, барабаны). Исполняют ее облаченные в роскошные одеяния музыканты.

*Если оказались в эти дни в Китае,
лучше оставайтесь на месте*

Во-первых, весь народ разъезжается по домам. Это сотни миллионов человек! Купить билет на поезд в канун праздника весны, во время и после него – большая проблема, по телевидению сообщения о потоках пассажиров на том или ином направлении передаются как сводки с полей сражения. Вы

можете элементарно где-то застрять.

Во-вторых, везде все закрыто. Потому что кто торгует в магазинах, кто готовит еду в ресторанах? Иногородние. А они уже дома, празднуют. Пекин пустеет и кажется безлюдным. Да и местные – чем хуже?

– Я попал как-то раз с этим новым годом, на всю жизнь запомню, – Сеня вздохнул и поправил иероглиф «счастье», который они с Мудрецом Суном долго прикрепляли над воротами их дома в старом пекинском дворике, сыхэюане. Аренда двух отдельных комнат почти в центре столицы обошлась им недорого. Хозяйка, владелица ночного бара, влюбилась в Мудреца Суна (ей нравилась борода, седина и очки, а еще шрам, мужественно украшающий его левую щеку!) и ради него согласилась терпеть Сеню. Как они ни присобачивали иероглиф, тот упорно перекашивался то в одну, то в другую сторону. Причина была не в том, что Сеня и Старина Сун начали отмечать праздник с раннего утра, не дожидаясь вечерних пельменей, нет, просто они пытались приколотить иероглиф одним гвоздиком, а центр тяжести фигурного рисунка разве найдешь с первой попытки? Не симметричный же! – Я тогда в первый раз по Китаю ездил, – продолжал Сеня. – И как раз в канун нового года оказался по делам в небольшом городе на севере, в провинции Цзилинь. Ага, праздник, думаю, вот здорово. Сейчас всякие там концерты, фейерверки, гуляния. Потолкаюсь, с народом пообщаюсь, настроение подниму... Вышел из гостиницы к концу дня – на улицах

никого. Пусто. А я уже проголодался. И что ты думаешь, иду по улице туда, иду сюда, все закрыто. Ставни опущены. Глухо! Ни ресторана, ни забегаловки, ни прилавка. Магазины, и те закрыты. Все по домам сидят у телевизора, за столом, отмечают. Город небольшой, куда деваться? Вернулся в гостиницу. В фойе сидят еще три иностранца, два турка почему-то и американец. Друг на друга смотрим, мол, праздник-то надо отметить, не по номерам же сидеть. Идем в ресторан гостиничный. А туда не пускают. Хотя внутри кто-то шастает. Попробовали поскандалить – бесполезно. Не солоно хлебавши разошлись по номерам. Выпил я из мини-бара бутылочку бренди, а что там пить-то? Печеньем закусил, посмотрел немного новогоднюю передачу и спать лег. Заснул, и бац – звонок, будят, приглашают в ресторан. Оказывается, они для постояльцев специально готовили угощение, типа праздничное, поэтому и не пускали нас раньше. Вот так я отпраздновал свой первый новый год в Китае. С тех пор у меня всегда с собой было, в этот день, и что поесть, и что выпить. На всякий случай...

Следует иметь в виду и то немаловажное обстоятельство, что цены на авиабилеты, на номера в гостиницах на период этого долгого праздника взлетают на максимально возможную высоту.

Почему в Китае такие вкусные пельмени?

Потому что это обязательное новогоднее блюдо.

Китайцы чтут нерушимый обычай встречать праздник в семье. Все стремятся приехать домой на неделю раньше, на «маленький новый год», *сяо-нянь / xiaonian*, на 23-й день двенадцатого месяца по лунному календарю, когда полагается приносить дары богу домашнего очага.

Празднование – наилучшая возможность проявить почтительность к родителям в духе конфуцианской морали. Вся семья воздает почести усопшим предкам, перед их фотографиями зажигают благовония и выставляют угощение: фрукты, сладости, символические подарки. Вечером 30-го все усаживаются за «трапезу в новогоднюю ночь», *нянь-е-фань / nianyefan*, когда полагается съесть новогоднее пирожное-желе из клейкого риса, *нянь-гао / niangao*, но главное – пельмени.

Секреты готовки передаются из поколения в поколение. Их лепят всей семьей, они символизируют единство, прочность семейных уз и теплоту домашнего очага. По-китайски пельмени – *цзяо-цзы / jiaozi* звучат так же, как и словосочетание, означающее спать вместе и иметь сыновей. А сыновья особенно желанны в Китае. Кроме того, в пельменях есть все, что в народе издавна знаменовало богатую жизнь: мясо, овощи и мука, а также соль – она высоко ценилась в старые времена. На счастье в один пельмень прячут монетку, кому досталась – будет богат весь год.

Накануне или утром в первый день нового года детям вру-

чают красные конвертики с деньгами, *хун-бао / hongbao*. Они носят особое название – «деньги, которые придавливают годы», *я-суй цянь / yasui qian*. Не возбраняется вручить денежные подношения и старикам. (Они же как дети, чест-слово! Только деньги получше считают.)

Праздник фонарей

В завершающий, пятнадцатый день нового года отмечается Праздник фонарей – повсюду зажигают фонари самых разных форм и размеров, но непременно красные. По легендам, как-то люди провинились перед небесным владыкой. Да так его обидели, что он велел сжечь все дома. Но его дочка была милосердной. Она посоветовала людям зажечь фонари. Владыка глянул сверху – всё в огнях, всё полыхает. Он и успокоился. Так началась традиция.

Вечером принято ходить любоваться огнями. Улицы превращаются в сказочные замки. Любопытно наблюдать, как тянутся цепочки огоньков к светящимся высоко в ночном небе воздушным змеям. И как только ухитряются запускать?.. Еще красивее зрелище зажженных фонарей, которые плывут по воде. Очень романтично. Берег пруда или озера в эту пору – лучшее место для влюбленных.

Тогда же полагается съесть традиционный десерт: *юань-сяо / uanxiao*, буквально – «первая ночь», ведь на небе в 15-й день, вернее, в ночь, впервые появляется полная луна. Это

шарики клейкого риса со сладкой начинкой, кунжутной пастой, перемолотыми орехами или лotosовым вареньем. Они подаются на стол в чашке с горячей водой, на юге это лакомство называют «горячие шарики» – *тан-юань / tangyuan*. В последние годы появились новые начинки – клубничная, ананасовая, смородиновая, персиковая, но независимо от содержимого лакомство символизирует единство, счастье семьи и близких. К тому же – на полную луну похожи! Мне запомнились очень вкусные «8 драгоценностей», начинка включала грецкие орехи, кешью, арахис, семечки тыквы, арбуза и подсолнечника, белый и черный кунжут.

Заветные клецки можно купить в магазине, замороженные, но лучше – в каком-либо ресторане, где их делают вручную, порою за ними выстраиваются очереди на несколько часов. Самые ранние посетители приходят затемно, аж в 5 утра, чтобы порадовать родных самыми свежими *юань-сяо*...

О происхождении вкусных шариков свое мнение имеет знаток Китая журналист Андрей Кириллов, как-то написавший такое поздравление: «Колобок, колобок, я тебя съем... Послушали эту сказку китайцы и со свойственным им прагматизмом быстро просчитали емкость рынка, а потом наделали много маленьких колобков: и для деда, и для бабки, и для волка, и для лисы. С праздником юань-сяо – днем китайского колобка!»

СОВЕТЫ НАЧИНАЮЩИМ КИТАЕВЕДАМ:

Когда лучше не приезжать в Китай...

Если вы собрались приехать в Китай, по делам или погулять-посмотреть, то постарайтесь избежать праздников. Это прежде всего Праздник весны, который приходится на конец января – февраль, затем следуют майские праздники (первая неделя месяца), октябрьские (также первая неделя), к ним добавились – официально – праздник Поминования усопших (Цин-мин) в начале апреля и праздник Середины осени в августе. Поезда и самолеты будут переполнены, билетов не достать, места в гостиницах или отсутствуют или продаются дороже, все учреждения закрыты или работают вполсилы.

Праздник весны растягивается на месяц. Официально он длится неделю, но фактически народ начинает отдыхать за две недели до начала и возвращается в рабочее состояние спустя неделю-другую после окончания. Ведь отмечать принято в кругу семьи. С места снимаются более 200 миллионов китайцев. На минуточку – это больше населения России, это вместе взятое население Италии, Франции и Германии. Все разъезжаются по домам в разные концы Китая, в ресторанах не хватает поваров и официантов, а также свежих овощей, мяса и всего остального, что доставляют поставщики. Это же касается и других сфер обслуживания. Представьте, что творится на вокзалах, автобусных станциях, в аэропортах! Там и без вас народа полно! Поверьте,

народа шустрого, бойкого, с которым соперничать трудновато. В местах, популярных среди туристов, не протолкнуться. Китайцы тоже любят их посещать, ту же Великую стену, императорский дворец в Пекине или знаменитое своими видами озеро Сиху в Ханчжоу. Так что загляните в инет, узнайте, на какое число приходится китайский Праздник весны, отсчитайте от него две недели в ту и две недели в другую сторону, и только тогда заказывайте билеты. И вам будет спокойнее, и китайским хозяевам.

Пора есть рисовые пирамидки

Каждый год в начале лета самым ходовым товаром в Китае становятся *цзун-цзы / zongzi* – плоские рисовые пирамидки размером с ладошку, завернутые в тростниковые, бамбуковые или пальмовые листья. Они перевязаны суровыми нитками или тонкими веревочками и напоминают миниатюрную почтовую посылку, только треугольную. Внутри – клейкий рис с добавками, чаще всего сладкой бобовой или финиковой пастой или кусочками орехов. Дорогие виды включают деликатесы: семена лотосов, нежное мясо, даже крабов или, не к ночи будет сказано, лобстеров. Не целиком, конечно.

Съесть такую «посылочку» значит почтить память великого китайского поэта *Цюй Юаня / Qu Yuan*, жившего в третьем веке до н. э. Легенды говорят, что он не только писал

стихи, но и был в своем царстве Чу, раскинувшемся на просторах среднего и нижнего течения Янцзы, от нынешней Хунани до Цзянсу, настоящим народным заступником, помогал беднякам добиваться справедливости, обличал продажных чиновников. Они его оклеветали, князь отправил Цюй Юаня в ссылку. Его тоска и боль отражены в стихах, которые у нас переводили в разное время лучшие китаеведы и – с их помощью – большие поэты, например, Анна Ахматова.

Личные переживания, отчаяние при виде страданий народа и упадка своего царства в противоборстве с княжеством Цинь послужили причиной его трагической гибели, самоубийства: поэт свел счеты с жизнью, кинувшись в реку Мило (Милоцзян в провинции Хунань). Произошло это в 5-й день 5-го месяца по лунному календарю в 278 г. до н. э. Согласно преданиям, благодарные почитатели его таланта, дабы задобрить духов реки – драконов, принялись бросать в воду завернутый в листья рис. Народ попроще говорит, что рис предназначался рыбам, чтобы те насытились и не трогали тело поэта.

С тех пор в этот день поклонники поэзии Цюй Юаня читают его стихи, а на реках и озерах гребцы состязаются на длинных лодках, нос которых украшают драконьи головы. По легенде, когда поэт утонул, все лодочники и рыбаки бросились его искать, отсюда и традиция. Скептики же утверждают, что к поэту Цюй Юаню гонки на лодках не имеют отношения: на это время приходится начало сезона дождей,

поднимаются реки, и чтобы умиловить водных духов, защитить посевы только что высаженного риса и сохранить урожай, крестьяне давным-давно давно бросали в воду рис и лили вино.

Как бы то ни было, праздник Двойной пятерки, *дуань-у цзе / duanwu jie* – существует до сих пор, совсем недавно его даже официально сделали выходным днем, правда, в крупных городах он подрастворился, и о нем говорят, хотя и достаточно убедительно, только распродажи цзун-цзы, зато в небольших городах праздник встречают гуляньями, которые длятся всю ночь.

Мы же с друзьями завели обычай идти днем или вечером в какой-нибудь ресторанчик, захватив с собой цзун-цзы, там просим разогреть и подать на стол. Ведь обязательно, обязательно надо в этот день съесть хотя бы один треугольный «конвертик». Мы же уважаем Цюй Юаня! Хотелось бы признать, что за столом мы читаем наизусть стихи великого поэта, но это было бы уже чересчур. И так хорошо.

Праздничные пряники

Осенью, в пятнадцатый день 8-го месяца по лунному календарю отмечается день Середины осени, *чжун-цю цзе / zhongqiu jie*, который называют еще праздником Полной луны, *мань-юэ цзе / manyoue jie*. Не заметить его наступления невозможно: везде продаются лунные пряники *юэ-бин /*

uebing, толстенькие кругляши с начинкой. Она преимущественно сладкая: паста из красных бобов или семян лотоса, а также орехи, кунжут, миндаль, перетертые арбузные семечки и... всего не перечислишь. Из несладких начинок, включающих, к примеру, мясо, отметим экзотические – с моллюсками, ласточкиными гнездами и прочими деликатесами. На вершине пирамиды шикарные праздничные наборы, в которые входят, кроме самих пряников, вина известных марок, лучшие сорта виски, отборный чай, часы, жемчужные кольца, золотые безделушки. Коробки делают из красного дерева, стекла с позолотой, обшивают шелком.

Ну, а самые дешевые пряники можно купить на распродаже по цене один юань за штуку. Баррикады упаковок перегораживают входы в магазины.

Пряники выпекают и продают в таком количестве, что мысль: «А кто это все съест?» приходит сама собой. Я получал, дарил сам и передаривал не один раз, так же, по-моему, поступает большинство китайцев, если семья небольшая, а пряников много. Но кто выступает последней инстанцией? Тот, к кому пряники попадают в последний момент, в праздничный вечер. На другой день дарить-передаривать уже не полагается. По сниженной цене они идут тогда и в магазинах.

Лунные пряники символизируют единство семьи, ее неразрывный родственный круг. Особенно дороги они тем, кто отмечает Середину осени вдалеке от родных мест: глядя

на полную луну, они вспоминают родных и мысленно присоединяются к ним за накрытым круглым столом.

По легенде, в это время на полной ясной Луне можно разглядеть ее фею – богиню Чан Э. Она была когда-то, в допотопные времена, земной женщиной, ее муж охотник Хоу И прославился тем, что сбил стрелами с неба девять из десяти солнц, которые чуть не сожгли Землю. В награду он получил от богини-матери эликсир бессмертия. Но однажды, когда Хоу И отлучился из дома на охоту, злодеи замыслили похитить пилюли бессмертия, и Чан Э пришлось их проглотить. Она тут же вознеслась на небо вместе со своим любимым зайчонком, да так и осталась на Луне.

Охотник же в полнолуние смотрит на ночное светило и грустит о любимой... Да и мы с вами, если как следует приглядимся, при удаче можем разглядеть богиню и даже заметить Лунного зайца. Но для этого нужен очень сильный телескоп. В него можно даже рассмотреть, как длинноухий помощник феи толчет в ступке снадобье бессмертия. Знатки китайского эроса улавливают в этом действе иной смысл, но это уже совсем другая, хотя, возможно, и более интересная история.

– Смотрел я тут как-то китайский новый год по телевизору, – сказал Сеня. – Ну, знаешь, новогоднюю передачу, которая идет несколько часов. А это был повтор лучших моментов. И там на сцену вышла вот эта богиня Луны, Чан Э, красивая такая, как принцесса, в длинном белом платье, а с ней

Лунный заяц. Смешной такой, с ушами. Как в нашей опере про зайца «Пиф-паф». А потом бац – к ним на сцену космонавт выходит в скафандре. И все вместе пели, танцевали. Наверное, теперь втроем на Луне живут.

Празднуют ли в Китае дни рождения

Да, празднуют, но не так широко, как, допустим, в России. И, поздравляя китайских друзей с днем рождения, будьте готовы к легкому удивлению. Здесь больше принято поздравлять с национальными праздниками, например, с китайским новым годом. Дни рождения отмечают в основном молодые, для которых годится любой повод потусоваться. Хотя порой и старики от них не отстают.

Когда празднуют дни рождения в Китае

Если вы думаете, что все отмечают дни рождения по обычному календарю, то есть каждый год, допустим, 28 февраля, то ошибаетесь. Многие, к примеру, на селе празднуют день рождения по лунному календарю. В связи с этим очень трудно дарить подарки традиционалистам. Никогда не уследишь, в какой день чествовать. Хотя календари все двойные – с обычными и лунными датами. Но если окончательно запутались – попросите показать паспорт и празднуйте в указанный в документе день.

С момента зачатия или девять месяцев спустя?

Почти ежедневно я получаю вопросы читателей и писателей, которые спрашивают, как же в конце концов исчисляется в Китае человеческая жизнь: с момента зачатия или девять месяцев спустя, с появления на свет?

Уж не знаю, зачем им эта информация, но на всякий случай отвечаю, чтобы не обиделись.

В самом деле, в Китае с глубокой древности момент зачатия, то бишь наступления беременности, считался зарождением новой жизни. Время до появления младенца на свет даже имело свое название – «пустой год», сюй-нянь. И он засчитывался в жизненный стаж.

После провозглашения КНР годы стали отсчитывать с момента рождения, как во всем мире. Так что, собираясь поздравить китайских друзей, не интересуйтесь, стремясь продемонстрировать глубокое знание традиций, когда же все-таки случилось зачатие. Вы можете попасть в неловкое положение. Лучше сверьтесь с паспортом (см. предыдущую главу).

Китайская свадьба

Чем она отличается от русской, допустим? Вы знаете, если

честно, мало чем отличается. Но не буду брать слишком широко, расскажу о свадьбе, на которой сам был, мед-пиво-маотай пил.

Жених, допустим, сотрудник отдела продаж информационной компании в Пекине. Невеста, допустим, военный врач. Оба высокие, на голову выше родителей. Тучные годы процветания дают свои плоды... Конечно, красивые – а разве бывают некрасивые новобрачные? Особенно невесты. Вот она, красавица в белоснежном, пышном подвенечном платье. Жених парится в строгом европейском костюме. Невеста держит в руках букет – это лилии, потому что название цветка *бай-хэ / baihe* можно перевести также как «сто согласий», или же «полная гармония». Молодые встречают гостей у входа в зал ресторана. Гости передают распорядителям свадьбы, которые сидят за накрытым красной скатертью столом, толстые алые конверты с деньгами – «хун-бао». Такова незыблемая традиция: деньги для новой пары – лучший подарок. Никто из приглашенных не ломал голову, не бегал лихорадочно по магазинам, чтобы преподнести десятую по счету микроволновку, пятый набор постельного белья или третий телевизор...

Вот все наконец расселись за столами. В отличие от жениха с невестой, гости в повседневной одежде, то есть костюмов европейских (пиджак, брюки, белая рубашка, галстук, ботинки) или, допустим, китайских национальных в зале почти не видно. Все очень демократично, нравится это кому-то

или нет.

Кстати, молодоженам пришлось немало посуетиться, чтобы собрать необходимые для женитьбы справки: с места работы (что начальство не против), с места жительства (из полицейского участка, о прописке), справку о здоровье (после довольно тщательного обследования). Замечу, что не так давно некоторые документы были отменены, в том числе справка о здоровье. Но вскоре медики заговорили о том, что обязанность обследоваться надо восстановить: на свет появляется немало детей с генетическими отклонениями и врожденными заболеваниями.

Семья жениха не поскупилась. По традиции все свадебные расходы оплачивает жених. Это закон! В зале пятнадцать столов. За каждым человек по десять гостей. Сколько стоит? За каждый стол ресторану заплатили по тысяче юаней. Для Китая деньги немаленькие, причем спиртные напитки в эту сумму не входят.

Но не будем говорить о деньгах, хотя в Китае это вовсе не зазорно, а даже наоборот... Итак, жених с невестой, дождавшись припозднившихся гостей (те расписывались в поздравительной книге, тоже, конечно, в красном переплете, с толстыми красными страницами), торжественно входят в зал рука об руку. Гости встают и хлопают в ладоши. Новобрачные идут к сцене, на которой радуют глаз два больших сердца из розовых воздушных шариков. Там же телевизор-караоке. На занавесе на заднике сцены золотыми иеро-

глифами светятся имена новобрачных.

Ведущая свадебной церемонии (это редкость: считается, что мужчины-ведущие, хотя и подороже, зато надежнее и, что существенно, не затмевают красоту невесты) произносит приветственную речь. Потом слово дают почетным гостям, директору компании, в которой работает жених, и главному врачу военного госпиталя, где трудится невеста. Директор отмечает усердие, таланты и производственные успехи жениха. Главврач говорит, что невеста и ее коллеги проявили себя героически во время борьбы с атипичной пневмонией. Тридцать три дня они не покидали стен больницы. Потом выступает главный оратор – поздравляющий. Это университетский преподаватель жениха. Жених и невеста трижды кланяются родителям невесты и трижды – родителям жениха. Директору и главврачу, как ни странно, не кланяются.

Затем молодые должны отвесить поклоны друг другу. Они трижды склоняют головы так, чтобы едва коснуться лбами. После чего выпивают на брудершафт по полбокала красного вина. Молодожены символически завязывают брачный узел – огромного размера, из красных, толстых шелковых веревочек, похожий на расправившую крылья бабочку. Ведущая выносит на сцену брачное свидетельство и зачитывает его. Настала пора «посадить дерево счастья»: налить шампанское в бокалы, поставленные друг на друга пирамидой. Ну, знаете, когда наливают в верхний бокал и шампанское

льется водопадом (шампанскопадом) вниз, наполняя остальные. Бокалы подносят почетным гостям.

При этом остальные гости не завидуют (может быть) и не нервничают (скорее всего). У них на столах тоже есть что выпить за счастье молодых. Это красное вино, пиво, китайская водка. Ну, и всякие кока-колы и спрайты. Да, еще чай, конечно.

Но пока не пьют. Следует дождаться зажжения свечи брачного союза. Молодые направляются к углу сцены, где стоят рядами друг над другом свечи. Гасят общий свет, зажигают маленькие свечи, а молодым предлагают вместе длинным факелом зажечь самую высокую белую свечу. Она называется «сто лет брачного союза». На ней черные риски, от единицы до ста. Вот жених с невестой подносят факел, но свеча не загорается, снова не загорается, гости начинают волноваться, добровольцы поворачивают свечу так, чтобы фитиль не прижимался, и – ура – вспыхивает огонь! Все радостно аплодируют. Кончили аплодировать. Теперь можно взяться за еду.

Впрочем, погодите, на сцену с поздравлениями выходит отец жениха. От волнения он не может говорить, то ли смеется, то ли плачет. В общем, сильно волнуется, но нужные слова произносит. Молодец. За ним выходит отец невесты. Он волнуется меньше. Но тоже молодец, потому что речь не затягивает. И еще оба молодцы и вызывают расположение потому, что призывают всех как следует поесть и попить.

Гости едят не жадно, в точности по Василию Теркину: «Ел он много, но не жадно, / Отдавал закуске честь, / Так-то ладно, так-то складно, / Поглядишь – захочешь есть». Китайцы соблюдают чинность, и трапеза, тем более по такому важному поводу, подразумевает спокойствие и размеренность, а также – беседу. Даже в обыденных случаях, приглашая к столу, говорят: «Будем и есть и разговаривать!» («И бьянь чи и бьянь тань!»)

Между тем официанты несут на столы закуски, всякие там финики сладкие и свинину острую, крабы тушеные и курицу вареную, рис рассыпчатый и супчик грибной, бананы, запеченные в блинчиках...

Продолжать описание праздничного стола не буду, потому что среди вас, дорогие читатели, могут попасться голодные люди, едущие вечером в метро после работы или учебы, или в машине в пробке застрявшие, в животе сосет, слюнки текут, хочу вас побереечь. Да и себя заодно.

В Китае принято во время общих застолий, корпоративных встреч, праздников разного рода, чтобы самые главные люди спустя некоторое время после начала прошли от стола к столу и выпили немножко с каждой группой сидящих за ними гостей. Иногда это грустно заканчивается для неопытных VIP-ов, к примеру, не знакомых с затаенной мощью китайского алкоголя.

На свадьбе главные – жених с невестой. Они обходят все столы по очереди, начинают, конечно, с почетного, где си-

дит директор компании с женой и дочкой и главврач с супругой, чокаются, благодарят и потом идут к столу родителей. Так молодые обходят все пятнадцать столов. Да, забыл сказать, молодые успели переодеться, и теперь на юной жене нежное платье цвета чайной розы.

В зале становится шумно. Китайцы народ голосистый. Но никто не выясняет отношения, не берет за грудки с вопросом: «Ты меня уважаешь?» Хотя все дееспособные выпивают. Тон задают отцы наших молодых. Они в самом деле молодцы, относятся к делу серьезно, по-нашенски, и теперь уже сами на правах старших обходят столы с рюмкой в одной руке (для себя) и бутылкой дорогой китайской водки «Улянъе», «Пять знаков», в другой – для гостей.

Ведущая помнит, что гостей надо развлекать, и заманивает молодых на сцену. Как в КВН, они должны ответить на хитрые вопросы. Например, вот вы смотрите телевизор, жена хочет кино, а супруг ждет свой футбол. Кто уступит? Прямодушная, необученная молодая говорит, что муж ей вряд ли уступит. Но молодой муж спасает положение и заверяет, что спортом якобы не интересуется... Ха.

...Тогда я подумал, что вопросы «на засыпку» – особенность именно этой свадьбы. Но нет. Спустя время на свадьбе наших знакомых в Шэньчжэне ситуация повторилась: ведущая церемонии – подруга невесты, и ее напарник – друг жениха, тоже пытали новобрачных вопросами. К примеру, ее спросили: «Что будет нехватать тебе после замужества?» Вот

вы как бы ответили?.. А жениха озадачили: «Какие вопросы ты будешь решать в семье?» Хитрец не растерялся и ответил так: «Я буду решать главные вопросы... А какие вопросы главные – будет решать жена!..»

Так вот помаленьку-потихоньку и идет свадьба. Песен не поют, как в России, и танцев тоже нет. Хотя музыка гремит. Но, может, они начались потом, когда ушли гости постарше? Может, тогда и грянуло настоящее веселье? Кто знает. Китай все-таки загадочная страна.

– Да будут и песни и танцы. Просто ждали, когда начальство слиняет... А может, переберутся в другое место для продолжения. А еще принято, чтобы жених с невестой в парке фотографировались, – сказал Сеня. Вместе со Стариной Суном они сидели в любимом парке Алтарь солнца, Житань, в беседке на берегу пруда, потягивали зеленый чай и любовались цветущими лотосами. Стоял жаркий август, но в тени у воды веяло прохладой. – Вот, гляди! – Сеня ткнул рукой в сторону каменного мостика над протокой, соединяющей два пруда. На мостик вышли молодожены. Он в белоснежном костюме, она в белоснежном платье. Фотограф, сопровождаемый тремя помощниками, держащими отражатели из фольги, сделал снимок – готово. Невеста задрала, чтобы не волочился, подол платья, под которым оказались джинсы и перемазанные землей кроссовки, и вся компания переместилась в другое живописное место, к скалам над водой...

– Кстати, а правда, что у вас женщины фамилию не меняют, когда замуж выходят? – спросил Сеня.

– А зачем менять?

– Ну, как зачем?

– По-вашему, это плохо?

– А что по-нашему? Разве в этом дело? – сказал Сеня. И загрустил. – Но ведь фамилию у вас дети все-таки по отцу берут? Верно?

Свадебные фотографии в Китае – дело совершенно обязательное. Без них никто не мыслит себе торжества – ведь как иначе сохранить память о счастливом событии? Фото-студии месяца за два-три до свадьбы отправляют будущих новобрачных из числа тех, кто побогаче, в живописные места Китая, и снимки влетают в копеечку (фэнечку), учитывая расходы на перелеты-переезды, проживание в гостиницах, а также нескромные гонорары фотографам и менеджерам. Удовольствие получить свадебный альбом может стоить в таких случаях десятки тысяч юаней, то есть несколько тысяч долларов. Это, конечно, если позволяют средства. Те, кто победнее и поэкономнее, обходятся съемками в студии или ближайшем парке. Минимум, который необходимо потратить в Пекине на фотоальбом из 20—30 фотографий – примерно тысяча юаней.

Порою торжественная церемония проходит в церкви. Мне довелось побывать на брачной церемонии в Христианской церкви района Чаоян в столице. Это были уже другие моло-

дожены. (Хорошее замечание, верно?) На скамьях под высокими сводами расселись двести гостей. Отец провел невесту красной дорожкой через украшенную цветами арку к алтарю, где ее ждал жених. Ведущая церемонии рассказала вкратце историю создания мира и происхождения человека, включая сотворение Евы из ребра Адама, молодые согласились на брак, обязались быть всегда вместе, в горе и радости, получили благословение, обменялись кольцами, хор, как мог, исполнил торжественную песню на китайском, грянул марш Мендельсона – все длилось около часа. Затем мы отправились в ресторан, где торжество продолжилось заведенным порядком, за тем исключением, что гостям подавали только красное вино – оно становится все более популярным в Китае, вытесняя на праздничном столе крепкие напитки и пиво.

В деревне свадьбы, конечно, намного скромнее. Родственники с двух сторон, котлы с едой, подарки молодым, в основном – деньгами, юаней по 10 или 20. А приданое, например, в бедной горной деревне: 20 килограммов мяса, 20 литров вина, 4 комплекта одежды, 100 килограммов риса, 100 килограммов пшеницы.

За невесту принято платить выкуп. В небольших (по китайским меркам) провинциальных городках это 20—30 тысяч юаней. Добавить еще столько же – и можно построить скромный домик.

Приятный момент: невесте полагается после объявления

о намеченной свадьбе вручать коллегам на работе маленький красный мешочек с конфетами, украшенный двумя золотыми иероглифами «си» (двойное счастье), мужчинам иногда достается пачка сигарет с той же парой золотых знаков. В нашей китайской компании большинство работающих были молодые девушки, и какое-то время я почти каждый месяц получал такие приятные подарки. А потом, спустя годик-другой, ломал голову, кем заменить ушедших в декрет молодых мам. Потом дети выросли, мамы возвращались. Но это уже другая история, не свадебная. Хотя тоже приятная. Вот и сейчас, пока пишу, на моем столе стоит розовая жестяночка в форме сердца с шоколадками – вышла замуж сотрудница нашего телефонного центра.

Как развлекаются

Настоящие «Подмосковные вечера» по-китайски

– Знаешь, как китайцы представляют себе классическое исполнение «Подмосковных вечеров»? – спросил Сеня. – У меня много друзей в китайском хоре «Шоу ди шоу». Как-то раз они выступали на конкурсе иностранной песни, три города соревновались. Хор прошел первый тур, по телевизору показывали. Но тут возникла проблема. Режиссерша с телевидения говорит: петь мало, надо еще и двигаться красиво, сценки разыгрывать, в общем, играть. А как играть? Ребята стали голову ломать, как же художественно изобразить «Подмосковные вечера». Может, танцевать? Обниматься? Цветы дарить? Что-то уже напридумывали. Репетировали на улице в парке чуть ли не в сорокаградусную жару. Но дело не в этом. А в том, что наш тенор привел приятеля, балетмейстера. Китайского. У него опыт на телевидении. Он знает, как надо. Он посмотрел, послушал и говорит: «Если хотите, чтобы зритель вас принял, надо ему „Подмосковные вечера“ так преподнести, как он ждет. А именно: парень и девушка сидят у реки и читают книгу. Не обнимаются, не двигаются, а так, посматривают друг на друга. Может, если толь-

ко за руки возьмутся. Робко. Вот тогда это будут такие „Подмосковные вечера“, какие надо!»

Рейтинг самых популярных русских песен в Китае

Я его составил путем тайного голосования, а также по результатам работы с фокус-группами, то есть с теми группами, которые все время выкидывают всякие фокусы, но зато не требуют денег за опрос.

Приводится название песни или первая строка.

«Катюша»

«Подмосковные вечера»

«Ой, цветет калина»

«Уральская рябинушка» («Ой, рябина кудрявая, белые цветы»)

«Эй, ухнем!»

«Вот мчится тройка почтовая»

«В низенькой светелке» («Пряха»)

«Полюшко-поле»

«Вечер на рейде»

«Прощальная комсомольская»

«Священная война»

Я очень хотел вставить в список песню «Ой да по речке, речке по Казанке...», которую мне в детстве пела моя смоленская бабушка Маша, но по непонятным причинам ее

в Китае не исполняют. Так мне сказали. Хотя кто знает... Я же не всех еще опросил. Может, и поют ее где-то в далеких селах, изменив Казанку на Хуанхэвку или Чан-цзянку (Янцзы-цзянку), по крайней мере, я на это надеюсь. Китай велик...

Характерно, что приведенные в списке песни здесь считаются народными. Подумав как следует, я с этим соглашусь. Разве композитор – не народ? Особенно если глядишь из Китая.

Кроме того, тем, кто полагает, что Россия ограничивается пределами Москвы и Московской области, Китай как рупор русской песни дает хороший урок географии. Здесь у пожилых хоровых коллективов (их подавляющее большинство) в ходу такие песни, которые впору собирать любителям забытого российского фольклора, причем многие мелодии из краев дальневосточных и сибирских. Годов опять-таки 50-х прошлого века. И вот когда китайский хор стариков и старушек запекает такую песню и смотрит на тебя, ожидая, что ты подпоешь, чувствуешь себя каким-то предателем русской культуры: китайцы знают, а ты-то что же?..

Каллиграфия. «Травяной» и другие стили

Сотворение иероглифов считается в Китае высоким искусством. Ему более трех тысяч лет. Оно ценится так же, как

традиционная живопись, если не больше. В музеях, на выставках отдельные залы отводятся исключительно под полотна, испещренные знаками.

Но и с живописью иероглифы часто составляют единое целое, придавая завершенность. Слева или справа от пейзажа, или портрета, или жанровой сценки двумя-тремя строчками бегут сверху вниз черные значки. Как правило, это название картины, время создания и, конечно, имя или псевдоним автора, сопровождаемые красной фамильной печатью.

В каллиграфии оцениваются не только иероглифы, но и пространство между ними, гармония белой пустоты и черных линий, энергия движения и статика покоя. Для знатоков белое полотно с россыпью черных значков представляет такую же эстетическую ценность, как изысканный пейзаж. Каллиграфические надписи вывешиваются вместо картин в кабинетах и офисах, в домашних гостиных. Часто это поэтические произведения, цитаты классиков, изречения древних философов или пожелания благополучия, самое популярное из которых лаконично, но содержит все необходимое: «Удачи, долголетия, здоровья и спокойствия». Иногда в рамку на белом фоне замкнут всего один иероглиф.

Каллиграф обязан быть знатоком классической литературы и поэзии, истории и искусства, так как его ремесло – плоть от плоти китайской культуры в целом.

Этому искусству учат. Будущему мастеру надо начинать лет с пяти-шести, когда уже можно копировать иерогли-

фы из специального словаря. Знаки несложные: рис, поле, мышь, тигр, овца, но каждый надо повторить по несколько сотен раз. Так идет обучение. Знаки все сложнее. За основу в качестве примера берутся произведения знаменитых творцов. Изучаются разные стили. Как минимум шесть часов в день ежедневно, долгие годы. Зато спустя много лет мастер может за считанные секунды создать творение, вызывающее восхищенные вздохи. Стоят такие произведения обычно две или три тысячи долларов, в Пекине, к примеру, работы известных мастеров можно купить на улице *Люличан / Liulichang*, которая воспроизводит жизнь старого квартала китайских «книжников» и каллиграфов.

Иероглифы пишут не как кому в голову взбредет, а установленными стилями. Сейчас их назвали бы шрифтами. Существует пять основных: *чжуань-шу / zhuanshu*, *ли-шу / lishu*, *кай-шу / kaishu*, *син-шу / xingshu* и *цао-шу / caoshu*.

Самый древний из них *чжуань-шу* – вязь, или «уставное» письмо, восходящий к надписям на древних предметах из бронзы (чашах, жертвенных треножниках). Это самый сложный стиль, поскольку иероглифы близки к рисункам тех предметов, которые обозначают. Затем иероглифы от столетия к столетию упрощались, относительно, конечно.

От *чжуань-шу* произошел официальный иероглифический стиль Ханьской эпохи (206 до н. э. – 220 н. э.). Он называется *ли-шу*, это так называемое «деловое письмо», которым пользовались при составлении документов чиновники

всех уровней, от уезда до императорского двора.

Ли-шу положил начало *кай-шу*, нормативному, образцовому. Он считается стандартным стилем письма в Китае. Посмотрите любую компьютерную китайскую программу со шрифтами (она стоит у вас в компьютере, не сомневаюсь!) и среди других найдете *кай-шу*, квадратной формы иероглифы с ровными прямыми чертами.

Стиль *син-шу*, или «ходовой» (иногда его называют «бегущая рука») – скоропись, знаки выводятся, как сейчас говорится, полукурсивом. Это переходный стиль между нормативным *кай-шу* и «вольным» стилем *цао-шу*, о котором пойдет речь.

Цао-шу принято называть «травяным», от слова «цао», «трава». Кисть движется быстро и почти не отрывается от листа. Правильнее переводить название как «небрежный» («цао» здесь скорее от *ляо-цао / liaosao* – небрежный, неряшливый). Но прижившийся в наших переводах «травяной» прекрасно отражает его сущность, можно сказать, иероглифы пишутся вольно, как трава растет. Он отличается свободой, живостью, текучестью и сиюмоментностью, более других выражает индивидуальность, передает настроение в миг творения.

Травяной стиль, несмотря на «естественность» и кажущуюся легкость, освоить едва ли не труднее, чем остальные. Его основы заложены каллиграфами еще в эпоху Цинь (221—207 до н. э.) и последующую Хань. Однако развил и довел

до совершенства во время Восточной Цзинь (317—420), используя элементы ходового стиля *син*, знаменитый мастер *Ван Си-чжи / Wang Xizhi*. О нем мы еще поговорим.

Эту завершенность взорвали в эпоху Тан (618—907) два друга по кисти и винному кувшину: *Чжан Сюй / Zhang Xu* и *Хуай Су / Huai Su*, великие творцы-бунтари, которые сделали его поистине «диким» и хаотичным. Не рука – эмоции водили кистью. Предания гласят, что Чжан Сюй творил в буйном хмелю, в экстазе вырывал клочья волос, обмакивал в тушь и «бросал» иероглифы на бумагу, крича при этом во всю глотку. Протрезвев, он приходил в изумление от сотворенных шедевров, повторить которые в здравом уме не мог, как ни пытался. Более молодой Хуай Су увлекался вином даже сильнее своего старшего друга, напоминая поэта Ли Бо, который, кстати, высоко ценил его творения. Эта двоица кудесников вошла в историю каллиграфии и искусства как «помешанный Чжан, хмельной Су», *dian Zhang, zui Su*, причем оба считались «травяными божествами», *cao sheng*.

Со временем страсти увлечения хаосом утихли, более поздние эпохи успокоили «травяной» стиль и дали ему новое развитие, которое достигло пика во времена Мин и Цин.

Кстати, мастером каллиграфии считается Мао Цзэдун. Его рукой начертано название главной газеты «Жэньминь жибао». В Китае существует такая традиция: руководители собственноручно выводят названия газет и журналов,

и не только. К примеру, гостиница «Пекин» в центре столицы получила свои фирменные знаки на фасаде от Дэн Сяопина.

«Орхидеевая беседка»

Ван Си-чжи и «Орхидеевая беседка». Это имя и это название неразрывно связаны. Любители и мастера иероглифического письма свято почитают «Орхидеевую беседку». Так называется поместье, принадлежавшее классику каллиграфии Ван Си-чжи (303—361). В эпоху Восточная Цзинь он дослужился до звания полководца, министра и историка при княжеском дворе, однако знаменит не должностями и рангами. Известным его сделало искусство писания иероглифов. Главным наставником стала знатная дама – леди Вэй (*Вэй Шо / Wei Shuo*), принадлежащая к аристократическому роду, знаменитого своими мастерами каллиграфии. Со временем Ван Си-чжи освоил все имеющиеся стили, прославился как непревзойденный мастер нормативного *кай-шу*, и не случайно – ведь именно им в совершенстве владела и подняла на новый уровень наставница леди Вэй, а также *син-шу* и «травяного» *цао-шу*.

Его поместье я назвал бы одним из самых уютных и умиротворяющих мест в Китае. Здесь покой. Никакой суеты. «Орхидеевая беседка», *Ланьтин / Lanting* находится в нескольких километрах от города *Шаосин / Shaoxing*

на юго-востоке страны, известного одноименным желтым рисовым вином. Вы идете по дорожке между бамбуковыми рощицами и горками камней, мимо прудов и теплиц, где выращивают китайские орхидеи, переступаете каменные плиты почти двухтысячелетней давности, с едва заметными иероглифами.

С прудика, защищенного камнями, доносится гоготанье гусей – хозяин поместья, Ван Си-чжи, их очень любил, нынешние владельцы сохраняют традицию. Почему каллиграфу нравились эти птицы? Романтичные исследователи утверждают, что он изучал изгибы их длинных шей, плавные повороты головы, отрывистые удары клювом, когда гуси хватили то ли рыбешку, то ли водоросли, и пытался скопировать эти движения при написании иероглифов: кисть должна была так же стремительно падать к бумаге, скользить, едва касаться ее, создавая тонкие, сходящие на нет линии, или же плотно бить, прижиматься, отрываться от поверхности, порождая мощные, взрывающиеся чернотой сгустки...

А вот и многократно воспетый поэтами и запечатленный художниками извилистый ручей в бамбуковой роще, он петляет, кружит, забегает сам себе за спину и возвращается обратно... Место поклонения художников и литераторов. Недалеко от него за ивами прячется лotosовый пруд, позади которого каменная стена, отделяющая поместье от быстрой речки и недалних зеленых гор. Тишина, только стрекохуц цикады да разрезают чистый воздух стрижи.

Есть много легенд о мастерстве Ван Си-чжи. Как-то один из семи его сыновей, *Ван Сянь-чжи / Wang Xianzhi*, который приобрел имя как каллиграф и которому слава вскружила голову, показал отцу очередное творение. Похвалиться. Тот ничего не сказал, лишь поправил один иероглиф. Даже не иероглиф – черточку. Даже не черточку, а каплевидную точку, ту, что отличает иероглиф большой, *да / da*, от иероглифа великий, *тай / tai* (вот оно – мизерное отличие большого от великого) ... да что объяснять, вы сами прекрасно знаете. Всего лишь мимолетное касание кисти. Ван Сянь-чжи отнес свиток матери. Та взглянула и сказала: «Мой сын начертал так много знаков, но мастерски здесь исполнена только точка в иероглифе „великий“ ...» Сын, конечно, устыдился и исправился в тяжком труде, изведя немереное количество туши. В память об этом в усадьбе установлен камень с иероглифом «великий».

Его отец, Ван Си-чжи навеки вошел в историю, когда, охваченный вдохновением, написал однажды маленькое сочинение – всего три сотни иероглифов. Произошло это так: в жаркий день в конце апреля 353 года он пригласил друзей на «праздник очищения» – установленный ритуал, когда полагалось купаться в реках, ручьях, озерах и прудах, дабы смыть беды и горести и отвести напасти. Это был третий день третьего месяца по лунному календарю, день рождения Желтого императора. Подчеркивая важность происшедшего в тот день события, когда важна каждая деталька, исследова-

тели отмечают: всего званы были 41 человек, среди них ученые, поэты, художники, каллиграфы, родственники и друзья.

Они уселись на берегу извилистого ручья в тени бамбуков, на траве и на камнях, пили вино, читали стихи. Забавляясь, пускали по течению чаши с вином, конечно же, с ароматным и мягким шаосинским, утверждают местные патриоты. Тот человек, напротив которого чаша останавливалась, то ли приткнувшись к берегу, то ли задержанная камнем или придонной травой, должен был сочинить и прочесть стихотворение. Если не получалось, следовал штраф – три чарки вина. В итоге на свет появились стихи, в количестве 37-ми, сочиненные 25-ю авторами. Ван Си-чжи собрал их воедино и начертал сочинение – «Предисловие к сборнику стихов из Орхидеевой беседки», «*Ланьтин цзи-суй*» / «*Lanting jixi*».

Оно и стало священным шедевром. По размеру небольшое (примерно 25 см высотой и 70 см длиной), предисловие состояло из 28-ми вертикальных строк и 324-х иероглифов. Изящным слогом оно повествует о том, что вот в тени гор у ручья собрались друзья, и стар, и млад, всем радостно в «начале конца весны» на «празднике очищения» здесь встретиться, сочинять стихи и наслаждаться жизнью, которая мимолетна, пролетает мгновенно, ведь мы уйдем, как многие поколения до нас, и останутся только эти стихотворения...

Спустя столетия поэт и философ Сунской эпохи Ван Ань-

ши писал:

...Осадок в чане винном остается —
Молва не лучшее хранит от века.
Любые краски отразить бессильны
Живой духовный образ человека.
Не выразят короткие записки
Мужей высокомурых упования.
Однако лишь бумага сохраняет
Мирскую пыль – следы существованья...

Очевидно, Ван Си-чжи творил на одном дыхании, подчиняясь чувству, ошибаясь (в тексте есть замазанные и исправленные знаки), буквально «на скорую руку»: «Предисловие...» выведено кистью в «ходовом», «бегущем» стиле. Но – с такой энергией, так выразительно и своеобразно, так талантливо, что никто не смог впоследствии даже приблизиться к нему. Не говоря даже о других – сам автор не раз безуспешно пытался повторить шедевр.

Что тогда произошло, что совпало в тот апрельский день? Солнце и голубое небо, вечное течение воды, аромат трав и цветов, близкие друзья, хмельная радость праздника, радость весны, радость жизни? Бывают моменты счастья, которые ты хотел бы пережить снова, повторить, как понравившуюся игру с друзьями в детстве, – но на другой день та же игра уже совсем иная: мозаика, произвольно сложившись с непостижимым совершенством один раз, не вопро-

изводится, как ни старайся.

С годами и столетиями ценность «Предисловия...» становилась все выше и выше, пока танский император Тай-цзун (599—649) не выкупил его у потомков Ван Си-чжи. Он велел сделать копии. Они-то и дошли до нас, оригинал же, согласно легенде, император приказал захоронить вместе с собой в подземном мавзолее. Древние копии считаются национальным достоянием.

У Ван Си-чжи учились и учатся каллиграфы и художники всех поколений. По сей день мастера и начинающие приезжают в Шаосин, в Орхидеевую беседку, чтобы побродить по бамбуковой роще, посидеть на камнях у ручья и вдохновиться талантом предков. И ей-богу, сидя у ручья на теплом валуне и глядя на стайку пескарей, скатывающихся вниз и снова поднимающихся против течения по солнечному дну, я тоже чувствовал себя чуть-чуть каллиграфом, благо возле ручья лежали кисти, можно было макать их в воду и писать на камне иероглифы, исчезающие на глазах, и это было спасительно хорошо, поскольку мои каракули вряд ли можно назвать каллиграфией (я и по-русски-то пишу, увы, как корова хвостом).

Здесь каждый становится немного художником и поэтом. А если еще, примостившись в теньке, откупорите фарфоровую бутылочку похожего на медовуху шаосинского вина, «разжигающего кровь, но оставляющего голову светлой»... Его лучше пить подогретым, достаточно даже лишь на время

оставить кувшинчик на припеке. Солнышко согреет. Стихи польются сами собой.

Когда же вдруг под рукой не оказывается китайского поместья и Шаосин далеко, можно отправиться на берег любимой речки или озера, сесть под родной ивой или под сосной, а может, березой, откинуться на траву или на песочек, посмотреть в небо – вдохновение придет.

Картины, свитки в беспорядке,
Иероглифов неровный строй:
Как будто огурцов на грядке
Ростки проклюнулись весной.

А грядок нет. Бамбуки, садик,
Ручей извилистый с мостом.
Малёк легко по водной глади
Рисует кисточкой-хвостом.

Здесь Пушкин, сын поры опальной,
Нашел бы кров, обрел покой.
Стихи со жженкой самопальной
Лились бы щедрою рекой.

Гусей гонял, учил китайский
И знаки кистью выводил,
Кафтан накинув, ночью майской
В деревню к гу-нян¹ бы ходил.

¹ Гу-нян / guniang (кит.) – юная особа: дева, барышня, девушка, девчонка,

Народам двум служил бы службу.
Известно ведь давным-давно:
Ничто так не скрепляет дружбу,
Как стих, картина и вино.

– Художники и каллиграфы всегда слушают сердце, – сказал Мудрец Сун. – Они подчиняются чувствам, пусть даже переменчивым. Как-то пятый сын Ван Си-чжи, его звали Ван Хуэй-чжи, в снегопад выпил вина и решил навестить своего друга, поэта, который жил выше по реке. Целый день он плыл, а когда приблизился к горе, где стоял дом друга, вдруг повернул лодку назад. Его спросили, как же так, ведь ты почти приехал? Ван Хуэй-чжи ответил: «Было настроение – и прошло».

Как стать китайским книжником-мудрецом, или Четыре драгоценности кабинета ученого

Хотите пожить другой жизнью? Настоящей китайской? Хотите ощутить себя китайским мудрецом-книжником или ученым, отягощенным пятитысячелетним знанием? Для этого неплохо для начала купить длинный шелковый китайский халат, веер, а к ним – домик на улице Люличан в Пеки-

не. Это обитель антикваров, книголюбов и художников.

Лучше, конечно же, купить домик с крытой резной верандой-галереей на втором этаже. Тогда в знойный день, ближе к вечеру, когда спадает столичная жара, вы можете выйти на воздух, обмахиваясь веером и посматривая сверху вниз на суетящихся внизу простолюдинов и толчею иностраншек-«лаоваев». В руках желательно держать томик Конфуция, поэта Ли Бо (по-нашему, по-местному – Ли Бая) или же, на худой конец, Льва Толстого (Ле-фу То-эр-сы-тай). С костяной закладкой. На китайском, конечно, языке.

«Эх, хорошо, красота! Так и сделаю. Куплю и веер, и халат, и домик! И дело с концом!» – думаете вы. С восторгом. А вот и нет! Никто вам не поверит, что вы просвещенный человек, достойный почтительного внимания и преклонения. Никто не поверит, и народец не обнажит в поклоне голову, и иностраншки не защелкают камерами, и прелестная девушка не замрет от восхищения, глядя снизу вверх на фигуру в халате и с веером в руке в лучах заката... ежели вы не обзаведетесь четырьмя драгоценностями книжника.

Что это такое? Это бумага, тушь для письма, тушечница и кисть. Начать надо с кисти. Лучшие делают из шерсти хорька, она самая упругая и эластичная, на втором месте кисти из козьей шерсти и на третьем – из кроличьей. Чтобы вас не обманули при покупке и не всучили фальшак, лучше всего поехать в местечко Хучжоу, что в провинции Чжэцзян, недалеко от древней столицы Ханчжоу. Туда всего-то

часа два-три лета из Пекина. Зато качество гарантировано. Если не доверяете местным мастерам, сами можете состричь козью шерсть. Для этого надо подкараулить и стреножить густошёрстную козу, которая пасется на склонах гор возле Хучжоу и питается листьями шелковиц. Подкараулив и стреножив животное, не кромсайте ретиво шерсть где ни попадя, а выбирайте местечко. Самое лучшее – на шее, а также на спине и боках. Хвост лучше не трогайте, не дергайте... во избежание...

Если по каким-то причинам вам не нравится козья шерсть, ну, запах там не тот или цвет, тогда поймите обыкновенного хорька. Для этого вам придется отправиться на северо-восток. Куда-нибудь в провинцию Цзилинь или еще севернее, в Хэйлунцзян, в общем, поближе к Амуру, к Хабаровску, к российским чертогам. К нашим российским зимам. У тамошних млекопитающих в силу насущной необходимости и более зверской жизни шерсть длиннее и прочнее, чем у южных. Однако ехать туда надо не весной, летом или осенью, а только зимой, когда хорьки надевают теплые шубы. Однако помните, что хорек все-таки отличается от козла (посмотрите в Википедии или в зоологической книжке с картинками), и вот у хорька-то как раз шерсть лучше брать с хвоста. Зверек это юркий и не мирный, может даже озлобиться и укусить, но вы же настойчивы в своем желании стать китайским книжником. «*Шу-бу-шу?*» / «*Shi bu shi?*» – «Не так ли?»

Если же и хорек вам почему-то не подходит, может, напоминает кого-то, может, опять-таки запах не по нутру, в таком случае летите назад в Хучжоу, на юг, ловите кролика. Доверчивого, незатейливого, ушастого. Шерсть берите с хребта. Кролик, кстати, не кусается, как хорек, и не бодается, как коза. И вообще с ним как-то приятнее иметь дело, в силу мягкости и простодушия. Зла не попомнит, в случае чего.

Набрав наконец достаточно шерсти, отдайте ее со спокойной душой хучжоуским кистеделам, а сами предавайтесь у костра охотничьим воспоминаниям за пиалой шаосинского вина. Мастера сами все сделают: и шерсть соберут в пучок, и тримминг произведут надлежащий, и волосок к волоску много раз расчешут в водной ванночке частым гребнем из бычьей лопатки, потом выдернут слишком длинные или короткие, свернут, свяжут и в тело бамбуковой ручки воткнут, потом попушат-побарахтают в травяном растворе для прочности – и снова свернут, уже окончательно...

Заполучив кисть, найдите бумагу. Она особая: тонкая и рыхлая, пористая, хорошо впитывающая влагу, крепко держащая тушь и краски. Называется – *сюань / хуан*. Описывать способ изготовления бумаги здесь не буду, надо же сохранить интригу, хотя бы и небольшую.

Тушь делают на основе сажи. Придется немного запачкаться. Есть два вида туши: одну получают при сжигании тунгового масла, она блестящая и насыщенная, богатая оттенками, другую делают из сажи сосны, и продукт на выходе

получается блеклым и «притушенным».

Тушь изготавливают в виде плиток или палочек. Но не только. На блошиных рынках продают иногда целые скульптуры, раскрашенные позолотой. Хочешь – любуйся, хочешь – используй по назначению. Ее растирают на тушечнице – каменной плитке с овальным углублением – и растворяют полученный порошок в воде. Лучшие тушечницы вырезают из камня редких пород. Нередко они изготовлены столь искусно, что сами по себе являются произведениями искусства. У меня на письменном столе стоит такая, купленная в городе Дали в Юньнани: твердая овальная основа из темно-зеленого камня, в ней углубление, ложе для растирания. Оно же – пруд, в котором, затаившись под берегом, спасается от жары коричневый буйвол, только рога и кончик морды торчат над гладью...

Итак, все четыре драгоценности в наличии. Всё купили, приготовили, разложили по местам? Тогда примостите на балконе или на крытой галерее столик со всеми этими сокровищами, наденьте длинный шелковый халат (простите, конечно, халат надо накинуть до выхода на балкон, а то будет как-то неловко одеваться перед любопытствующими зеваками, впрочем, всё на любителя), берите веер, взмахните как бы в задумчивости, тут же отложите веер (пришла мысль!), примите изящную позу, занесите над листом бумаги руку с кистью, так и замрите: вот теперь вы настоящий/щая книжник/ница.

Пятая драгоценность

Вы прочитали про четыре драгоценности кабинета ученого. Совсем недавно в Китае появилась пятая: «вечный» набор для занятий каллиграфией.

В парках здесь доводится видеть людей, которые пишут большой кистью на каменных плитах, асфальте. Иероглифы быстро высыхают, творчество возобновляется.

Пятая драгоценность построена на том же принципе – исполнение водой. Но не на камне, а на особой ткани. Перед вами полотняный прямоугольник, расчерченный квадратами под иероглифы, как это принято для начинающих. Вы обмакиваете кисть в воду и выводите знаки. Ткань двухслойная, под тонкой ворсистой пленкой, напоминающей пористую бумагу *сюань*, под воздействием воды мигом проступает черная основа. Эффект поразительный, ты словно в самом деле рисуешь тушью. Знаки держатся минуты две-три, потом высыхают, испаряются.

Новинке дали высокую оценку специалисты-каллиграфы. Набор, который так и называется – «пятая драгоценность кабинета ученого», *wenfang diwu bao*, состоит из свернутого полотна и кисточки. Его можно использовать несколько лет. Он один заменяет тысячи листов бумаги. Это не только экономия материалов, но и вклад в охрану окружающей среды.

А кроме того – незаменимая игрушка для всех, кто хо-

чет попробовать свои силы. В случае неуспеха разочарование длится совсем недолго. Удавшиеся иероглифы можно сфотографировать и оставить на память.

СОВЕТЫ НАЧИНАЮЩИМ КИТАЕВЕДАМ:

Как будет «цып-цып-цып» и «кис-кис-кис» по-китайски

Кур в Китае зовут поклевать вот так: «*Чу-чу-чу!*» / «*Chu chu chu!*»

Повторите, пожалуйста. Спасибо! Супер! Годится. Дорога в сельские просторы Китая вам открыта. В случае необходимости всегда сможете приманить если не курицу, то толпу любопытных.

Внимание кошек следует привлекать, нежно произнося: «*Мяо-мяо!*» / «*Miao miao!*» Причем именно два раза – «мяо-мяо», если последуют три подряд «мяо-мяо-мяо», то это уже будет призыв с русским акцентом. Допускается также сначала сказать «мяо-мяо», потом после паузы – повторить. Главное, чтобы нравилось самому или самой. Тогда, возможно, и кошка приманится.

Иванов в стиле «дракона, феникса, цветов и птиц»

Благодатная почва каллиграфии породила оригинальный вид прикладного искусства – написание имен и фами-

лий в стиле «иероглифы в виде дракона, феникса, цветов и птиц», «long feng hua niao zi».

В парках можно наблюдать такую картину: за столиком расположился мастер-живописец, а зазывалы, обычно это члены его семейства, приглашают желающих получить в подарок свою фамилию в виде картины. Как только появляется клиент, художник спрашивает, как его зовут, и тут же энергичными жестами, точнее, мазками инструмента, стила, похожего на широкий заостренный ластик, в считанные секунды на вытянутом полоской ватмане набрасывает дивной красоты изображения разноцветных птиц и зверей, цветов и деревьев, и все это – фамильные иероглифы.

Чем длиннее фамилия, тем лучше сувенир (рисунок больше, а цена та же). Иванов, допустим, будет звучать как *И-ва-но-фу / Yiwannuofu*. В одном из вариантов (иероглифы можно подбирать разные по смыслу) это приблизительно означает «Опирается на черепицу и обещать». Впрочем, можно найти и другие иероглифы для передачи фамилии, выбор большой. Фамилии наши получаются заковыристые. К примеру, Достоевский – *До-сы-то-е-фу-сы-цзи / Duosituoyefusiji*. Звучит красиво и практически непереводаемо.

От картины, начертанной «драконами, фениксами, цветами и птицами», глаз не оторвать. Думаешь: «Неужели это я?!»

Старичок в лодке с удочкой в руке. Китайская живопись

На старичке шляпа. Сам старичок в лодке. В руках у него удочка. А может, это и не старичок вовсе, лица сверху не видно. К тому же туман прикрывает реку. А может, это и не река, а озеро, потому что берегов не видно. Только горы сверху нависают с зелеными соснами. И горы тоже размытые, вершины тонут в дымке.

Другая картина – разлохмаченные пионы, со всеми оттенками розового, красного, пурпурного. Рядом с кустом пионов прыгает шариком такой же взъерошенный воробей.

Подобные произведения – пейзаж, *шань-шуй* / *shanshui*, что означает горы и воды, а также цветы и птицы, *хуа-няо* / *huaniao*, а также травы и насекомые, *цао-чун* / *caochong*, стали символом национальной живописи *го-хуа* / *guohua*. Цветами и птицами прославился, например, известнейший мастер *Ци Байши* / *Qi Baishi* (1864—1957).

Анимализм, а также изображения людей, портреты, жизненные сценки тоже часть го-хуа. Как и ее разновидность – дворцовая, или придворная живопись, которую культивировали императоры и которая отличалась набором признанных художественных средств, академичностью. Примером может служить прославленное полотно художника Сунской эпохи Чжан Цзэ-дуаня «Праздник Светлых и чистых дней на реке

Бянь» (о ней речь ниже). Императоры и сами нередко увлекались живописью, причем некоторые были отмечены несомненным талантом.

Если говорить об общих чертах го-хуа, то ее принцип, пожалуй – не отразить в точности, но обозначить. Дать намек, создать образ, расковать фантазию зрителя. Пусть он дополнит, наполнит полотно своими воспоминаниями и впечатлениями. Это характерно и для китайской поэзии: не называть вещи прямо и своими именами, лишь намекать.

Вот, к примеру, стихотворение «Слушая иволгу» поэта Сунской эпохи *Ян Вань-ли / Yang Wanli* (1124—1206):

Дождь прошел,
ручьи и горы так чисты.
Светятся
на солнце ивы и цветы.
Юркнула
в сплетенье двух густых деревьев
И ведет
особый, только свой напев.
Хочется
ей, верно, вдохновить меня,
Я ж грущу,
однако: где мои друзья?..
Вспугнута,
взлетела – не поспеть за ней,
Спряталась
во мраке сомкнутых ветвей.

В тексте нет даже слова «иволга». Только тень мелькнула, только голос слышен. «Объект», птичка, обозначен лишь в названии.

Так же и в живописи. Картина может называться, допустим, «Рыбацкая деревня», а вы увидите только изгиб реки да сеть, которая сушится на берегу.

Подобная манера отличается свободой и лаконичностью. Главное, передать настроение. По-китайски такой стиль называется буквально *се-и / хиеуи*, («писать смысл»), иначе – «выражение идеи». Ему соответствует рожденная в Танскую эпоху особая техника с названием «лаконичная кисть», *цзянь-би / Jianbi*, у нас ее принято называть – «лапидарная кисть». Минимальное количество штрихов и отсутствие буквализма сближают этот стиль с каллиграфией, делают картины легкими, объемными.

Образцами служат, к примеру, картины художника Южносунской эпохи *Ма Юаня / Ма Yuan* (1160—1225). Он со своим современником *Ся Гуем / Xia Gui* считается основателем школы пейзажа, которая открыла просторы воображению при минимуме изобразительных средств. На прославленной картине Ма Юаня «На горной дороге весной» изображен путник у подножия горы, весь рисунок сдвинут в угол, применен характерный для китайской живописи прием «оставление белого (пустого места)», *лю-бай / liubai*, создающий простор в прямом и переносном смысле – для фан-

тазии. Кисть скользит быстро, широко, легко, художник творит подобно каллиграфу, исповедующему «травяной стиль», не прописывая детали и не обращая внимания на шероховатости.

Классикой стиля *се-и* в изображении людей служат произведения художника той же эпохи Южная Сун по имени *Лян Кай / Liang Kai* (1140—1210). Начав как придворный живописец, он добился признания императора, но оставил все, проникшись идеями чань-буддизма, и ушел в монастырь близ столицы, Ханчжоу. Наиболее известны его изображения буддийских святых и портрет поэта Ли Бо, написанные в порывах озарения и просветления.

Стилю *се-и* противоположен стиль *се-шэн / xiesheng* («писать жизнь», отображать ее). Для него характерна тщательность в изображении, детализация, реалистичность. Это свойственно уже упомянутой прославленной картине – «Праздник Светлых и чистых дней на реке Бянь».

Для этого стиля как нельзя лучше подходит разработанная китайскими художниками техника с названием «прилежная (тщательная) кисть», *гун-би / gongbi*. Она подразумевает тщательность, четкость линий и определенный набор приемов. Например, выработано 18 приемов изображения складок одежды. Были установлены правила создания пейзажа, изображения животных, цветов, людей. Образцам несть числа, но если говорить о современности, а традиция продолжается и поныне, можно, допустим, назвать произведе-

ния художника по имени *Цзян Го-фан / Jiang Guofang* (родился в 1951 г.), который главной темой избрал воспроизведение жизни императорского дворца в Пекине и его обитателей. По его картинам можно изучать особенности одежды, интерьера, по отработке, прописанности деталей они сравнимы с фотографией.

При разных стилях письма китайские художники в основном использовали одни и те же материалы. Особую рыхлую бумагу, такую же, как в каллиграфии, – она заменила шелк, на котором рисовали до средних веков.

А также тушь, как и в каллиграфии, – ее делали из угольной сажи, которую разбавляли водой с добавлением клея.

Но тушь пришла в живопись позднее. Начало ей положили картины, созданные минеральными красками. Природный материал всегда был под рукой, прежде всего киноварь, то есть красная краска, получаемая при сплавлении серы и ртути, и азурит (медная синь, или лазурь), добываемый из карбоната меди. Сохранившиеся очень древние китайские картины написаны такими красками. Позже художники использовали опыт работы с киноварью и азуритом для создания картин тушью.

Краски в традиционной живописи го-хуа разделяются на минеральные (кроме киновари и азурита, это также охра, малахит, белила) и растительные (индиго, кармин, гуммигут и другие).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.